

ВИШИ

Город-курорт Виши оживал после тяжелых лет войны. Постепенно отдыхающих становилось все больше, ведь популярность этого курорта росла с каждым годом. Виши был особым городом, любимым местом отдыха французских аристократов, а прежде и монархов. Это объяснялось дарами, которыми его щедро наградила природа: исключительными по составу термальными минеральными источниками, которые оценил по достоинству еще французский король Генрих Четвертый, сделавший Виши местом своего оздоровления. Наполеон Третий в свою очередь поспособствовал тому, чтобы это место стало респектабельным курортом для знати. Расположенный в центре Франции, с протекающей через него крупной рекой Алье, Виши был очень живописен. А построенные здесь для аристократов здания, поражающие воображение своей архитектурой, и парки, гармонично сливающиеся с дикой природой, делали город сказочно прекрасным и величественным.

В Виши невозможно было заскучать и забыть о культурной жизни. Оперный театр, распахнувший двери для публики еще в 1903 году, музеи, крытые галереи в парке были прекрасным местом для отдыха и развлечений. Большой популярностью пользовались

частные особняки и фешенебельные отели, позволявшие знати чувствовать себя на курорте как дома.

Первая мировая война не способствовала процветанию Виши, но теперь оживший город с новой энергией манил гостей своими красотами, обещая избавить их от тревог, смыть тяжесть прошлых лет. Сюда приезжали, чтобы поправить после войны телесное и, конечно же, душевное здоровье. Вырисовывался новый стиль жизни, важное место в котором занимали отдых на курорте, лечение и оздоровление, а также спорт. Каждый приехавший сюда по-своему пережил сложное время и теперь торопился наверстать упущенное. И несмотря на то что после войны контингент отдыхающих стал разнообразней, Виши радушно принимал всех и, будто теплый ветерок, навевал на гостей утраченное спокойствие, гармонию и даже некую неторопливость и размеренность, не свойственную современному ритму жизни. Живописные пейзажи, которыми любовались гости, роскошная обстановка, воды, позволявшие восстановить силы, и, что немаловажно, мирная атмосфера — все это возвращало к жизни и способствовало зарождению в душах отдыхающих целого спектра чувств, в котором, как и на многих курортах, особое место занимала легкая влюбленность, страсть, а иногда и настоящая, искренняя любовь.

Было тихое утро, когда вокруг так спокойно и немноголюдно. В этот час Виши будто отдыхал после бурной бессонной ночи, насыщенной светскими увеселениями, характерными для послевоенных «золотых двадцатых» и так любимыми высшим обществом, и не спешил начинать новый день. Однако молодой герцог

против обыкновения встал очень рано. Как-то само собой в его душе проснулось желание познать радости этого курорта со всех сторон и, быть может, даже окунуться с головой в какие-нибудь невероятные, пусть и кратковременные, но опьяняющие отношения, освобождающие от гнетущих воспоминаний. Ему не хотелось серьезных, длительных, а потому обременительных связей. Герцог привык находить удовольствие в коротких интрижках, и именно этого ждал и сейчас.

Мишель, так звали этого двадцатисемилетнего аристократа, сначала не хотел ехать в Виши, но потом, вняв настоятельным просьбам родственников, все же согласился. Первые несколько дней на курорте позволили ему немного расслабиться, и теперь им все сильнее овладевало желание провести оставшееся время как можно приятнее. Мишель унаследовал от отца не только фамилию и состояние, но и ослепительную красоту. Он был весьма привлекательным молодым человеком: крепкие скулы, проникновенный взгляд голубых глаз, тонкие, четко очерченные губы и великолепная спортивная фигура. Герцог увлекался верховой ездой, гольфом, теннисом, любил ездить на автомобиле, великолепно танцевал и был весьма галантен. Женщины теряли голову в его обществе, ведь вокруг этого молодого человека всегда царил атмосфера праздника, волшебной сказки.

Весь день Мишель находился в приподнятом настроении, был бодр, оживленно беседовал с очаровательными дамами: он и его приятель Алэн, вместе с которым молодой герцог приехал на курорт, успели познакомиться с несколькими прелестницами. Мишель куражился, веселился, пил вино, но время от времени все же становился серьезным и вел долгие, утомительные для дам

беседы с мужчинами своего круга. И все-таки чаще этому скучному занятию молодой человек предпочитал легкий флирт с красотками — это давало ему возможность отдохнуть от важных дел, которым он, к слову сказать, отдавался всей душой.

Теплым вечером после насыщенного событиями дня герцог прохаживался по парку, с нетерпением ожидая ночного свидания. Гуляя, Мишель и сам не заметил, как свернул на набережную реки Алье. Живописный вид, представший его взору, зачаровывал и дарил умиротворение. Закат опускался на землю, окрашивая все вокруг багрянцем.

Вдруг раздался нежный, мелодичный женский голос, и хоть он и был еле слышен, но все же привлек внимание герцога. Молодой человек не стал бороться с неожиданно охватившим его любопытством и пошел в ту сторону, откуда доносился голос незнакомки. Мишелю захотелось как можно скорее узнать, что же это за прекрасная ночная птица так чудесно поет на исходе дня. Вскоре его взору предстала очень милая молодая утонченная особа. Одетая она была просто, и герцогу сразу же стало ясно: эта девушка происходит из небогатой семьи. Стройная, слегка загорелая, с аккуратно уложенными волосами и серыми, сверкающими огнем глазами, незнакомка все же не принадлежала к тому типу женщин, в которых он обычно влюблялся, но ее голос затронул что-то заветное в глубине его израненной души.

— Простите, я услышал очаровательный вокал, и мне стало любопытно, кому же принадлежит этот ни с чем не сравнимый голос.

Пение оборвалось; девушка пристально посмотрела на молодого мужчину и села на скамейку.

— Ну и что вы скажете? — ничуть не смутившись, серьезно поинтересовалась юная особа.

— Простите? — изумленно переспросил Мишель, не ожидавший от нее такого спокойствия.

— Вам понравилось мое пение и то, что вы увидели? — шутливо уточнила девушка.

— О... да, у вас очаровательный голос, и ваш облик ему соответствует, — торопливо ответил герцог, с удивлением отмечая собственное смущение. — Вы здесь работаете?

— Да! — вздохнула девушка с легкой грустью.

— И...

Мишель не успел договорить, как она продолжила:

— Я помогаю горничным, стираю постельное белье, иногда разношу постояльцам минеральную воду и меняю цветы в вазах. Одним словом, делаю, что прикажут.

Произнесено это было печально и даже с досадой.

— Вы шутите? — искренне удивился Мишель.

— Почему же? Напротив, сегодня я совершенно серьезна!

— Нет, нет! С такими данными стираете белье? Не может быть!

Незнакомка не поняла по его интонации, искренне ли он изумлен или же подшучивает над ней. И к тому, и к другому она уже давно привыкла. Повисла пауза, показавшаяся обоим слишком длинной. Первым молчание нарушил мужчина:

— Меня зовут Мишель.

— Моник! — ответила девушка.

Дальнейшая беседа была более оживленной. Оказалось, что Моник весьма любознательна, много читает и любит рассуждать на разные темы, даже спорт и гонки ее занимают. Все это очень понравилось герцогу. Этот вечер они провели, беседуя и неспешно прогуливаясь по парку, и молодой мужчина даже не вспомнил о свидании, которого совсем недавно ожидал с таким нетерпением.

Проснувшись на следующее утро, Мишель понял, что все еще возбужден вчерашним неожиданным знакомством. Ему не терпелось вновь увидеться с Моник.

Весь день он был слегка раздражен, но в то же время задумчив. Друзьям никак не удавалось его разговорить: вроде бы он был рядом, и в то же время его мысли витали где-то далеко. Когда Мишель и Ален отделились от компании, последний, тихонько смеясь, спросил:

— Что с тобой? Ты что, влюбился?

Услышав эти слова, Мишель сначала разозлился, потом нахмурился и вдруг, лукаво сверкнув глазами и так и не ответив, поспешно удалился.

— Ален, Ален! — окликнули дамы молодого человека. — Что случилось с вашим другом?

— О милые розы в прекрасном саду... — с шутливой восторженностью начал тот.

Юные особы захихикали, кокетливо отворачиваясь от Алена; он же осыпал их комплиментами, благодаря которым их интерес к Мишелю несколько охладел.

Моник и герцог встречались несколько дней подряд. Молодые люди проводили вечера за беседами. Мишель часто просил девушку спеть, а потом они подолгу гуля-

ли по аллеям парка. Им было хорошо вместе, они многое обсуждали, делились своими умозаключениями. Они говорили обо всем: о погоде, об архитектуре, о музыке, лишь никогда не вспоминали о войне, словно ее и не было вовсе. Только с Моник Мишель забывал об этом страшном периоде, только ее чарующая улыбка успокаивала его душевные тревоги. Порой он дивился этой девушке, ее беззаботной улыбке и живому, горячему блеску глаз. Периодически Мишель задавался вопросом: «Неужели она всегда такая беззаботная, неужели ее мыслей не утяжеляют тревоги, огорчения, разочарования и обиды? Неужели ненависть и злоба никогда не искажают этих прекрасных уст, не стирают с них эту ни с чем не сравнимую улыбку?» Но, не находя ответов на эти вопросы, герцог вскоре забывал о них.

Иногда Моник позволяла себе посмеяться над дамами из высшего общества. В такие минуты Мишель молчал, слушая ее со снисходительной усмешкой. Девушка тонко чувствовала, чего не хватает герцогу, и безошибочно восполняла это, и сама загораясь.

— Вы только посмотрите на эту даму, она будто прилипла к своей собачке. Бедное животное, ему даже не дают побегать по дорожкам! А как вам нравится вон та леди? Какое томное лицо, как много косметики и драгоценностей! — смеялась девушка.

— Но, Моник, может, вы ей просто завидуете?

— Я?! — возмутилась девушка, но, немного подумав, серьезно ответила: — Разве что чуть-чуть, самую малость!

И ее глаза вновь вспыхнули блеском. Моник опять рассмеялась, словно секунду назад вопрос герцога не поставил ее в неловкое положение.

— Пойдемте, вон там есть свободное место, — сказал Мишель, указывая на освободившийся под зонтиком столик.

Они неторопливо направились в прохладную тень.

Моник и герцог беседовали, смеялись, время от времени становились серьезными, но ненадолго. Мишелю приятно было проводить время с этой девушкой. Скоро он понял, что Моник разносторонняя и самобытная личность. Но более всего его привлекали ее самодостаточность и невероятная легкость, контрастировавшая с пылким нравом. Она была интересной собеседницей, эрудированной и любознательной. А кроме того, временами Моник казалась, а может, и на самом деле становилась беззаботной и даже ветреной. Она умела слушать и иногда понимала Мишеля без слов. Ей было не чуждо женское кокетство, но в то же время лишь с ней герцог мог поделиться своими размышлениями, взглядами на многие сферы человеческой жизни. И что самое удивительное, Моник внимательно слушала его, в то время как другие дамы, с которыми он общался ранее, в такие минуты устало зевали и рассеянно глядели по сторонам, всем своим видом давая понять, что эта беседа кажется им утомительной и бессмысленной. Моник же не только ловила каждое его слово, но и вступала в диалог, не стесняясь высказывать собственное мнение. Конечно, Мишель уже очень давно не заводил подобных разговоров с дамами, но однажды в беседе с новой знакомой бегло коснулся какой-то серьезной темы, и девушка ее поддержала. Это удивило герцога, и Моник открылась для него с еще одной, неожиданной стороны.

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

— Ох, не к добру это! — сердито ворчала кузина Моник, Франсуаз.

— Франсуаз, ты не понимаешь, он... — Моник немного помедлила и продолжила чуть тише: — Он интересный собеседник, с ним все иначе; он словно из другого мира!

— Еще бы, он ведь аристократ, представитель высшего общества, а ты? — ехидно произнесла кузина, и была права. — Не забывай, что такие мужчины, как правило, женятся на ровне, — продолжала Франсуаз.

— Но иногда правила нарушают, не так ли? — с полупросительной интонацией произнесла Моник и пошла по парковой аллее в сторону отеля, держа в руках цветы.

Франсуаз лишь пожала плечами и вздохнула, провожая взглядом двоюродную сестру, а затем продолжила аккуратно срезать цветы.

Моник шла очень быстро; беседа с кузиной встревожила и расстроила ее. Конечно же, она и сама понимала, что их отношения с герцогом невероятны, невозможны, что между ней и им огромная пропасть. Но разве сердце всегда прислушивается к разуму?

Вдруг на пути у девушки невесть откуда появился Жермон, местный садовник. Ему было уже около пятидесяти, но, несмотря на возраст, мужчина целыми

днями возился с растениями; он просто обожал свою работу. Моник он знал еще девочкой и любил ее почти как дочь, но при этом неизменно держался с ней строго и был немногословен.

— Вы испугали меня, Жермон! — недовольно воскликнула девушка.

— Простите, сударыня!

— С чего это вы так меня называете? — удивилась Моник, не зная, рассердиться или рассмеяться.

— Ты почти аристократка, может, даже герцогиня, если угодно. Или я ошибаюсь? — спросил Жермон; его голос звучал неодобрительно.

— С чего это вдруг? — ответила девушка, залившись румянцем.

— Ох, как часто я вижу тебя в компании одного из наших родовитых гостей...

— Ну и что же? Да, мы беседуем! — воскликнула Моник и, помолчав, добавила гордо: — Но он не вскружил мне голову!

— Ох, принцесса моя, поверь мне, это лишь дело времени, — произнес садовник и печально добавил: — Как много юных хорошеньких девушек попадает в эти сети! Словно бабочки, летят они на яркий свет манящей их красивой жизни, а приблизившись к нему и не успев даже как следует насладиться, обжигают тонкие крылья и погибают, всеми забытые, но прежде униженные, обесчещенные...

— Перестаньте, Жермон! Вы все сегодня будто сговорились, — раздраженно выпалила девушка и бросилась прочь по дорожке.

Она старалась бежать быстро, но ноги ее не слушались, да еще и эти благоухающие розы безжалостно

кололи пальцы до крови. Уже у самого отеля Моник споткнулась и упала нежным телом на огромный колючий букет. Конечно же, цветы были безнадежно испорчены, да и девушка сильно исцарапала себе руки. Управляющий отелем в это самое время стоял на крыльце. Он был чем-то раздражен и, увидев падение Моник, вскипел от негодования. Сердито раздувая ноздри, мужчина жестом подозвал девушку к себе. Краснея от злости и еле сдерживая гнев, он все же старался говорить не очень громко, чтобы не привлекать внимания отдыхающих, но слова его хлестали несчастную, будто плети. Моник, опустив глаза, молча слушала обрушившиеся на нее упреки. Она понимала: на этот раз ей не простят, очень уж неудачно сложились обстоятельства и разозленный чем-то управляющий решил на ней отыграться.

— Что ты себе позволяешь? Ишь какие все стали! Завтра же, нет, сегодня, сейчас ступай прочь с моих глаз! Ищи себе другую работу, бестолочь! — брызжа слюной, свирепо выпалил немолодой мужчина.

Моник хотела что-то сказать в свое оправдание, но управляющий круто развернулся к ней спиной и поспешил в отель.

В это самое время от источников возвращались Мишель и Ален; они издали увидели финал этой сцены. Герцог поспешил к расстроенной Моник. Когда он приблизился к ней, она стояла, закрыв лицо руками и пытаясь скрыть слезы отчаяния.

— Не стоит грустить, Моник! — произнес герцог ласково, но твердо.

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась; ее заплаканные глаза встретились с его ясным встревоженным взглядом.